

КУ-КА-РЕ-КУ

Когда мы ели петуха,
хрустели смачно потроха
с лучком из кладовой,
торчало крылышко горбом,
как парус в море голубом,
в кастрюле суповой.

Но мрачно хмурился мой дед,
и невесёлым был обед,
и в горло суп не лез.
Мы ели друга. Потому,
что песни нравились ему,
но петь нельзя в большом доме –
здесь вам, друзья, не лес.

А он плевал на палачей,
он петь хотел, не спал ночей –
и с часу или двух,
чтоб нам развеять грусть-тоску
он радостным «ку-ка-ре-ку»,
приветливым «ку-ка-ре-ку»
ласкал и тешил слух.

Но вот явился управдом,
и пенё обозвал вредом –
«В кастрюлю этих Петь!
Держите кошек и собак,

а петуха нельзя никак,
горластых нам нельзя никак –
нельзя ночами петь!»

Здесь можно спать, плясать гавот,
скандалить, ныть, растить живот,
собачиться до драк,
хамить и врать, хлестать вино,
быть с Чудом-Юдом заодно –
но петь у нас запрещено,
но петь нельзя никак!

...Сквозь слёзы я гляжу на суп.
Мне три. Я Петю не спасу.
Не прыгать петушку.
Но слышу я – сквозь боль и страх –
молитвой звонкой на ветрах –
да это ж я, сквозь боль и страх,
пою: «Ку-ка-ре-ку».

ГИМН В ЧЕСТЬ КАПУЧИНО

Горланят: «Мир жесток и глуп,
Кругом – гнильё да мертвечина,
За око – око, зуб за зуб».
Друзья! Под звук зловещих труб
Утопим беды в капучино!

О, чаша, пенный дар небес,
Мы злу найдём первопричину,
Решим, кто ангел здесь, кто – бес,
Кто с миром праведным – вразрез,
Кому – ни капли капучино!

Прогоним сон, зажжём умы,
Отбросим тусклые личины,
Средь хищных дум и злобной тьмы
От Колымы до Колымы
Пусть грянет вновь: «Рабы не мы!»
И – «Полконя за капучино!»

НЕ Я

1.

Злоба – крик,
плотоядный, пронзительный крик птерозавра,
затаившийся в птице, в спиральных её ДНК –
чтобы тонкою тенью тихонько пройти сквозь века –
и внезапно прорваться в холёное доброе завтра
из груди безобидной пичуги.

Так я чужака
привечаю и потчую, разулыбаюсь, расту –
но внутри оживает свирепая, дикая стая –
первобытная стая в азарте кружит и визжит.
Ощетинились холки. Подкожное – бейте чужих.
И рука не желает открыться для рукопожатья –
будто чуждое племя напало на мой материк.

И всю жизнь я бегу. И никак не могу убежать я
от неистовой стаи. Туда, где бесследно растает
первобытная злость – плотоядный, пронзительный крик.

2.

Почти неслышно и невинно –
тревожно, тайно, в сердцевине –
но нарастая, как лавина
урчит несыто неприязнь:

«А ты – не я.

И ты – не я.

Не там живёшь, не так питаешься,
не тем героем стать пытаешься,
и шляпу носишь ты не так».

Нам ненависть черты корёжит,
и лица превращает в рожи.

Всего дороже нам – до дрожи –
своя, святая правота.

ПИСЬМО

Сквер завьюжила скверна
этих зябнущих дней.
Безысходность Инферно –
только здесь холодней.
В эти дни коронаций
и парадов-алле
жду тебя на Сенатской
у замёрзших аллей.

В эти дни коронаций,
в этот век миражей
мы с тобой на Сенатской
не встречались уже.
Но я помню: у кручи,
возведённой Петру –
сероглазый поручик
на декабрьском ветру.
И я помню метели
всех заснеженных дат.
Кто там – эти ли, те ли
победили тогда?

Память, как эмигрантам,
нам подбросит ломоть –
Анатолия Гранта
полыхающий мост,
сказки: «Шёл по Шпалерной –
и домой не дошёл»,
горечь дней и Фалерна,
леденящий крющон,
крохи, крахи, кроваво-
красно крестный поход,
сплав из слизи и славы,
слёз, приказов «в расход».

Эра галлюцинаций.
Память шепчет: «Держи:
на застывшей Сенатской –

миражи, миражи».
Нам с тобой не угнаться
за безумием дней.
Жду тебя на Сенатской
между вечных огней,
в блеске иллюминаций,
у дворцов изо льда.

Жду тебя на Сенатской
в день – ты помнишь? – когда
наше дикое племя
бросит зло да ножи –
и раскрошится время,
и окончится жизнь.

* * *

Антиподное лето. Февраль от жары разомлел,
развалился, разнежился на эвкалиптовом воздухе –
словно ящерка, что под окном распласталась на ворохе
заскорузлой листвы. На прожаренной этой земле,
прокалённой, калеченой засухой, чёрной – но заново
выпускающей жизнь на смолистую, жжёную паль –
на земле этой южной удушливо-пряный февраль –
ни пролётки, ни слякоти – дарит несытое зарево
от пожаров-убийц. И ещё – золотистую синь
беззаботного пляжа, где шумно, и девочка пляшет
у останков рождественской ёлки. Раздет апельсин,
ароматное солнце. У берега – брызги и радуга.
Австралийский февраль – это жизнь. Он калечит и радует.

Что же, радуй, резвись. Буду ящеркой юркой лежать
на ладони у света, вдали от угара и сора,
даже зная – однажды сюда доберётся пожар –
и обнимет меня. Убаюкает. Может быть – скоро.